

Дмитрий Арх

18+

КНИГА

АРХА

Дмитрий Арх

Книга Арха

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Арх Д.

Книга Арха / Д. Арх — «ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-532-95355-0

Книга о простом подростке и одном совершенно необычном дне, в котором сны стали реальностью, а далёкое прошлое стало настоящим. И ему ничего не остаётся, кроме как следовать дорогой чувств, чтобы просто выжить. И в этом ему поможет тот, кто охраняет и бережёт на протяжении 16 лет.

ISBN 978-5-532-95355-0

© Арх Д., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Глава I	6
До начала	6
Начало	10
Шестнадцать лет спустя	14
Пробуждение	17
По дороге домой	24
Глава II	28
Юлия	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дмитрий Арх Книга Арха

Посвящается всем миротворцам...

Любые совпадения с реальными людьми можно считать случайностью и не более того.

Глава I

До начала

«Сей день благословлен, прими его... с радостью, чадо»

В трапезной Михайло-Архангельского храма, за столом из старых списанных школьных парт, ранее находившихся в подвале, сидел молодой, задумчивый батюшка Ермаген, не спеша пьющий чай. Третий день это был основной его рацион, да и тот к вечеру заканчивался. Средства, выделенные на первое время епархией, у него иссякли, а ему очень хотелось открыть скорее приход церкви. Всё до последней копейки он потратил на провода, лампочки, извёстку и другой необходимый материал, позабыв в суматохе ремонта оставить хотя бы какие-то деньги для себя.

Это место для него было совершенно новым, удивительным и малознакомым. Ведал он о нём от своего духовного наставника, старца Михаила, перед отбытием из монастыря наставлявшего: «Храм, в который ты на службу, чадо, отправляешься, – один из четырёх храмов, что по России, подобных им нет более на земле русской». Сначала Ермаген и не обратил внимание на слова о церкви, но, увидев её, догадался, о чём говорил старец Михаил. Храм выглядел удивительно и не был похож на архитектуру известных церквей. Люди, строившие его, подметил Ермаген, строили не только храм, но и крепость, которая с 1937 года держала осаду от коммунистов, сохранив свою статность. В начале 1991 года, благодаря стараниям многих жителей, здание храма вновь вернулось к своему предназначению. И ему, молодому батюшке, поручили возрождать приход и вести службы в нём. Работа предстояла большая, за что братья и на какие средства всё это делать, было ещё не известно. Но Ермаген помнил и соблюдал наставление старцев, что «с молитвой да с Божьей помощью многие вопросы решишь». Молитву за благое он читал с самого прибытия.

Допив чай и вернувшись из своих раздумий о ремонте, Ермаген вспомнил добрым словом Михаила-наставника и всех старцев монастыря, в котором он был рукоположен в сан. Мучил лишь тоскливый вопрос: «Как там мой любимый старец?» По нему, хотя и не положено, но Ермаген всё же скучал.

– Да хорошо, хорошо! – из-за двери, ведущей в трапезную, он услышал мужской и женский голоса и стук в дверь.

– Войдите, – ответил батюшка, направившись из-за стола встречать своих первых гостей. В открытую дверь вошли двое: молодая девушка и парень, у которого в обеих руках были спортивные сумки. По возрасту гости были ровесниками, не старше двадцати пяти лет.

– Здравствуйтесь, батюшка, вроде церковь, а дверь главная закрыта, – с иронией сказал парень, за что и получил локтем от своей белокурой спутницы в синем шёлковом платке.

– Так вы стучитесь, и вам откроют, – с улыбкой ответил Ермаген и, решив не затягивать первое знакомство, продолжил: – Батюшка Ермаген меня зовут, проходите, пожалуйста, приживайтесь.

Молодая пара присела, поставив сумки под стол, а Ермаген сел напротив, где и чаёвничал ранее. Взглянув на свой гранёный стакан с допитым чаем, окинув взглядом молодых, продолжил:

– Да что ж я! Чуть из головы не вылетело, гости дорогие, чаю с сухарями хотите?

Молодой парень собрался ответить, но заговорила его спутница:

– Спасибо, батюшка, мы ненадолго к вам, меня зовут Анна, а мужа моего – Александр. Недавно мы стали родителями и собрались крестить сынишку в нашем храме. Правда, муж говорит: в город, мол, везти надо, но я его уговорила, чтобы у нас крестили, всё-таки здесь мы оба родились, да и познакомились в этом месте, когда здесь ещё клуб был. Так когда можно будет прийти? – спросила Аннушка, которая, к удивлению батюшки, уже стала мамой. Ермаген в иночестве встречал молодых мам, помогая в прошлом наставнику. «Когда рождается ребёнок, – рассказывал Михаил, – женщина порой забывает, что она ещё и жена своего мужа. И начинает себя вести так, словно у неё два ребёнка, один из которых – муж». Встречая таких женщин и смотря на Аннушку, Ермаген в очередной раз радовался, что выбрал чёрное послушание и ему не испытывать своё терпение и веру женщиной.

– Крестить – это правильно, – ответил батюшка, – поэтому позвольте вам пару вопросов прежде задать? – и, увидев молчаливое одобрение в глазах молодожёнов, продолжил: – Вы сами крещёные? Венчанные?

– Да, батюшка Ермаген, – ответил Саша, – мы крещёные с рождения, да и, как мне кажется, и венчанные тоже с рождения.

– Ой, брось говорить глупости, – с упрёком перебила Аннушка, – венчанные мы всего два года.

– Браки на небесах, дети мои, благословляются, а от благословления до венчания порой время проходит, поэтому, Аннушка, не спешите с выводами, – со свойственной ему простотой и добротой, которую редко кто перебивает, Ермаген продолжил, дабы не дать время для семейной склоки в церкви, приближение которой почувствовал. – Самое важное о вас я узнал. Теперь сразу перейду к делу. Вам понадобится выбрать крёстную мать и крёстного отца для сына, и нужно вместе с ними прийти в следующее воскресенье на службу, чтобы причаститься, а потом мы и покрестим вашего сына. Кстати, как его нарекли? – спросил он, посмотрев на Александра.

– Димкой, батюшка, в честь моего деда, умный он у меня был, люди его ценили, вот я и записал в загсе Дмитрием. Правда, Аннушка хотела Александром назвать, но я решил: коли мальчик родится, то я его нареку, а если девочка, то она пусть имя выбирает.

– Да, я Сашей хотела назвать, – добавила Аннушка, вспомнив о том, как муж регистрировал ребёнка, пока она лежала в роддоме, – но вот он!..

Она с укоризной посмотрела на мужа, еле сдерживаясь от того, чтобы не выписать ему подзатыльник.

– Аннушка, не расстраивайтесь, всё в воле Божьей, и коли Дмитрием записали, так по благословию Божьему, а мы, как дети, принять волю с радостью и смирением должны, – и, будто вспомнив что-то важное, с такой же приветливой интонацией продолжил: – Вы пришли сегодня, Аннушка, с мужем по поводу крещения, но не ведаете, что следующее воскресенье, на которое крестины наметили, будет днём памяти святого Дмитрия Донского, и он его заступником по жизни пойдёт. Говорят, к удаче, когда имя ребёнка с именем небесного заступника совпадает.

Аннушка обрадовалась услышанному, и её горячий взгляд стал спокойнее. В нём промелькнули осмысленность и понимание, что ничего случайного нет и зря она своего мужа этим в последнее время укоряет. «Ведь богатырём родился сыночек, по-другому и не скажешь. Что мне, как маме, надо? Чтобы он был здоров да рос послушным. Но если сыграют гены отца, – она продолжила петляющую линию размышлений, – то о послушности можно будет только мечтать, притом по праздникам». Аннушке неожиданно стало стыдно перед мужем за то, что за такой пустяк, как имя сына, корит его. И по непонятному принципу женской логики закончила размышления единственным выводом: «Как бы ещё не увели Сашку», – незаметно для самой себя тихо подвинула стул к мужу ближе и, как на бракосочетании, взяла его под руку.

И уже более спокойно сказала Ермагену: – Ну, если так, то ладно, – и посильнее прижалась к мужу, будто тот собирался сбежать.

– Батюшка Ермаген, сколько крещение будет стоить? – спросил Александр, дивясь резко изменившемуся поведению жены.

– Да нисколько. Ну, если есть желание и время помочь... то, Александр, приходите на денёк подсобить в восстановлении храма, мужских рук не хватает, а вы вон какой сильный.

– Времени, к сожалению, нет, – отвечал Александр, – кооператив у меня свой, но быть благодарным найду как. Но всё же любопытно, сколько берут за крещение, если не секрет?

– Везде по-разному, где-то не берут, где по желанию, но если всё-таки вам так интересно, неделю назад из города уезжал я – было что-то около двух рублей, но для чего вам это?

– Просто странно, у всех есть цена, а у вас почему-то нету, не люблю я в долгу оставаться.

– Какой же это долг, Александр? У вас и у меня радость, крестить решили, а вы про долг, бросьте эти пустые мысли о деньгах, – и в этот раз Ермаген сказал с той интонацией, которая ясно дала понять Александру, что убеждать принять или придумать оплату за крещение попросту бесполезно.

– Хорошо, батюшка... – протянул Александр фразу, – но всё же завтра в десять будьте в храме. К вам придут от меня два рабочих, и пусть они у вас поработают, скажем так... до среды, кормить их необязательно, у меня они неплохо кормятся, да и на обед ходят, но вот чаем, по возможности, всё-таки их напоите, а то жарко нынче на улице.

– Профессии какой ваши рабочие? – Ермагену стала интересна идея Александра, ведь рабочие руки очень и очень сейчас нужны храму, и такую благодарность он с радостью был готов принять.

– А какой надо?

– Да всякой, чадо, но в первую очередь плотника и электрика, а то, судя по всему, коммунисты не очень-то смотрели за зданием церкви, аж с 1937 года не проводили ремонт, – с грустью выдохнул Ермаген. Но, вспомнив что-то весёлое, с улыбкой продолжил: – Давеча я в подвал зашёл, так электрическим током чуть не ударило, ангел уберёт. Правда, на грабли всё-таки в подвале наступил, ладно реакция осталась ещё со спортшколы, а то бы точно в лоб прилетело, а так отбился. Ну, ничего, к четвергу всех призраков коммунизма из храма сего молитвами я повыгоню.

Все сидящие за столом засмеялись, как будто Ермаген им анекдот рассказывал, но молодые так и не смогли понять, всерьёз он говорит про призраков или шутит. А Ермаген редко шутил, но без юмора по отношению к себе не жил.

У Саши запищали на руке модные японские часы, на которые он сразу же обратил внимание.

– Батюшка, нам, к сожалению, пора. Так к десяти в следующее воскресенье, договорились?

– Да, – отвечал Ермаген. – Желательно всё-таки, чтобы крестные родители пришли до крещения, на неделе, мне им объяснить надо, насколько это ответственно. Если что, в ближайшее время я здесь буду жить, поэтому меня с лёгкостью смогут найти.

– Хорошо, батюшка, вот и решили вопрос.

Сначала встал Александр, а за ним, так же держась под руку, Аннушка. Батюшка встал одновременно с молодыми, решив проводить гостей до порога храма, но Аннушка аккуратно одёрнула мужа за локоть, сказав ему: – Саш, мы чуть не забыли, – и показала взглядом под стол. Саша понял, о чём говорила его жена, и с улыбкой, наклонившись, поднял из-под парты две большие сумки и протянул их батюшке.

– А что это? – удивился Ермаген, ставя сумки на стол.

– Это вам от наших двух семейств. Бабушки просили передать, что очень рады, что в селе вновь будет работать храм, и вот вам от них и от нас гостинец.

– Спасибо, – как удивлённый ребёнок, благодарил Ермаген, – низкий поклон от меня вашим родным. Передайте, что жду их на воскресную службу.

И, решив сразу вернуть сумки, тяжелому весу которых он дивился, начал их освобождать от пакетов и обернутых в газету банок. В трапезной появился непередаваемый аромат выпечки, Ермаген почувствовал, что в нём просыпается аппетит. Он проводил молодых до крыльца и, благословляя крестным знамением, попрощался с ними до воскресенья. День был тёплый, и ему захотелось постоять и погреться под весенним солнцем. Стоя на зелёной лужайке у входа, Ермаген случайно обратил внимание на то, как молодая пара, выйдя за скрипящие ворота, начала что-то обсуждать. Аннушка вновь пыталась научить чему-то взрослого мужа, но в этот раз она жестиком показала не спеша, одной рукой, а другой крепко держала его за руку.

Погоуляв и насладившись майским теплом, Ермаген направился в трапезную через побеленный зал храма, в котором он начал ремонт и первую молитву. В зале уже была отремонтирована и приведена в порядок часть стены, на которой висела одна небольшая икона под полиэтиленом, привезённая им из монастыря. Приподняв плёнку, что закрывала и берегла икону от извёстки, Ермаген зажёл лампадку, перекрестившись, затеплил небольшую свечу, которую, по обыкновению, носил с собой, и начал молиться о здравии Анны, Александра и новорождённого младенца Дмитрия, с которым ему предстояло познакомиться в следующее воскресенье. Совершив молитву, он пошёл разбирать пакеты и вновь ставить чай. Ведь просуществуй ещё пару дней на сухарях – и можно было бы готовиться к потере сознания или даже к царствию небесному.

Начало

Воскресная служба батюшки Ермагена завершилась двадцать минут назад. Находясь в трапезной, за тем же столом из школьных парт, он периодически поглядывал на часы, ожидая Александра с Аннушкой и их сынишку Димку. Вспомнив старую мудрость, гласившую: «Не жди того, что не от тебя зависит», батюшка налил себе крепкого чая, взял кубик сахара. Понемногу откусывая, макал его в чай, размышляя, как прошла первая воскресная служба. Народу было немного, в основном бабушки и дедушки, но всё время в храме оставался единственный мужчина средних лет, внимательно наблюдавший за каждым движением и словом батюшки.

Кто за ним наблюдает, Ермагену было абсолютно всё равно, он служил, и служил вместе с теми, кто в храм в искренности своей пришёл, поэтому перестал обращать внимание на эти пристально смотрящие глазки, попахивающие партийной атеистической номенклатурой, но и с проблесками веры, как подметил для себя Ермаген. Ему вновь вспомнились слова старца Михаила: «...они ещё просто слепы, да и у каждого свой путь в храм Божий, не кори их за это, чадо, возлюби равно каждого, кто приходит человеком». В этот раз он так и поступил, правда, ещё с юности на дух не переваривал всё, что было связано с коммунистической идеологией, но то была шальная юность, делившая людей на хороших и плохих. Осознав однажды, что он сам не лучше первых и вторых, возлюбил всех равно.

Батюшка продолжал находиться в своих воспоминаниях. Он не подозревал, что новость о Ермагене, не берущем денег за крещение, разошлась по району быстрее, чем сообщение Информбюро, и это вызвало немалое удивление у населения и у одряхлевшей партийной вертушки местного отделения РК КПСС. Батюшка догадывался, что, скорее всего, партийная власть послала своего человека посмотреть, что это ещё за Ермаген и какую агитационную деятельность он ведёт среди населения, вдобавок дав указание провести с ним разъяснительную беседу.

Посланный партиец средних лет не услышал ничего общественно опасного в проповеди, которая ему показалась вполне понятной и интересной. В надежде на повышение партиец решил умолчать об этом в отчёте, как и о том, что забыл провести разъяснительную беседу с Ермагеном, а вместо этого стал разглядывать иконы, параллельно утешая себя тем, что делает это всё для того, чтобы оставаться в глазах партии ответственным и компетентным работником, с самоотдачей жертвующим своим выходным, ради осведомлённости секретаря, а значит, и спокойствия населения. Ознакомившись с последней иконой и не увидев в ней ничего антисоветского, он понял, что в зале остались он да старушка, сидевшая за церковной лавкой.

«Что-то я загляделся», – подумал про себя партиец и, посмотрев на наручные часы, направился к выходу, думая, как сделать отчёт более содержательным, но не слишком большим; даже со всей любовью к партии тратить свой единственный выходной на писанину он не собирался. Выходя из храма, он начал набрасывать примерный план о проделанной работе, но его задумчивый взгляд упал на новый выключатель света, к которому подходили аккуратно проложенные провода, но более его поразили деревянные не скрипящие полы, на которые при входе в храм он попросту не обратил внимания. О ремонте электропроводки да и о многих других проблемах в бывшем здании клуба партиец говорил, когда был ещё заведующим отделом пропаганды и агитации и на протяжении всей этой деятельности получал приказы начальства отписывать руководству клуба и ссылаться «на наличие других первостепенных нужд для строительства коммунизма», который вот-вот должен был наступить. Сам он не понимал, почему бы не выделить на необходимый ремонт денежные средства, которых в казне вполне хватало на строительство двух новых зданий. И, рассматривая свежий ремонт, решил, что и это нужно будет обязательно добавить в отчёт. У выхода он случайно столкнулся с молодым человеком.

– Ох, простите, – вырвалось у партийца.

– Повнимательнее, – ответил басистым голосом юноша и, не дожидаясь какого-либо ответа, отодвинул партийца с пути одной левой рукой, освобождая дорогу себе и идущим за ним. Партийцу в тот момент показалось, что юноша был тяжелоатлетом и если бы захотел, то легко поднял бы его шупленькое тело вместо штанги.

– А служба закончилась, не подскажете? – обратилась, не останавливаясь, молодая мама с ребёнком на руках, идущая следом за крепко сложенным юношей.

– Да-да, закончилась, проходите, – отвечал прижавшийся к стене партиец. Если бы его руководитель сейчас услышал, как подчинённый приглашает людей в храм, вместо того чтобы проводить разъяснительную работу с населением о неверности восприятия мира через религию, то в следующие десять лет он мог бы рассчитывать только на должность дворника. «Ох и чертовщина», – подумал про себя партийный атеист, решив побыстрее удалиться из храма, пока с ним ещё чего неожиданного не случилось.

В трапезную храма, где продолжал коротать время батюшка, зашла старушка, вызвавшаяся помогать первое время. Посмотрев на скучающего батюшку, похрипывая от простуды, сказала:

– Батюшка Ермаген, к вам крестить пришли. Воду пойду, чать, ставить, – и, поклонившись, вышла.

Ермаген посмотрел на часы, промолвив с улыбкой: «Лучше поздно, чем никогда», поставил стакан на кухонный стол и, надев белую фелонь на чёрную рясу, поспешно направился в зал встречать долгожданного гостя.

– Здравствуйте, друзья, рад вас всех видеть! – пожав руки Александру и юноше лет семнадцати, который должен был стать крёстным, батюшка приблизился к Аннушке с младенцем. Внимательно посмотрел на дремлющее дитя. Негромко, опасаясь разбудить, обратился к нему: – Здравствуй, Дмитрий, ну что, будем крестить, как Господа нашего?

Младенец приоткрыл глаза, зевнул и потянулся ручками к батюшке.

– Батюшка Ермаген, нас в дороге ГАИ остановила, – начал объясняться Александр, который был удивлён таким вниманием к ребёнку.

Батюшка отвёл взгляд от младенца и, посмотрев на Александра с улыбкой, вежливо остановил его объяснения, не желая тратить воскресное время на пустяки: – Ничего страшного, дорогие мои, всему своё время, –и, обведя ещё раз всех взглядом, продолжил: – Всех вас знаю, но вот где крёстную маму оставили?

– Она не смогла, просила записать её заочно. Ведь так можно, батюшка Ермаген? – испытывая неловкость, ответил Александр, боясь сорвать крещение по вине сестры. Вспомнил, как Аннушка ругала его за это, что и привело к превышению скорости на дороге, где их и остановил дорожный патруль. Именно в тот момент Александр разъяснял Аннушке содержательно и строго, что не следует так себя вести, когда он за рулём.

– Заочно так заочно, – согласился батюшка, не показав своего расстройства. – Главное, что вы и ваш Димка с вами, – и, не тратя время на разговоры, указал на то место, где все должны были стоять, кратко напомнив присутствующим, как будет проходить крещение, и приступил.

Повернувшись к алтарю, батюшка Ермаген начал длинную молитву, к середине которой в храме, на неуловимое для взглядов присутствующих мгновение, дрогнул воздух. И со стороны алтаря сошёл молодой крылатый юноша в хитоне, ставший ангелом-хранителем для младенца. Ангелу всё было знакомо, его никто не мог видеть и слышать, в этом мире пока на то не будет воли Его. Лишь у батюшки, стоявшего лицом к алтарю, незаметно для других блеснули глаза; будто что-то поняв, но не увидев, он продолжил крещение, читая молитву за молитвой. Ангел, осмотрев всех присутствующих, приблизился к спящему младенцу, который, оказавшись на руках крёстного отца, снова уснул. Глядя уже только на младенца, ангел заговорил: «Тебе я послан и поведу по жизни твоей, принимающий крещение с именем Дмитрий», – и крылом

прикоснулся к голове младенца. Тот спал, но улыбнулся, будто встретил родного, которого не видел тысячу лет, но о котором помнил.

– Ну, здравствуй, мой Ангел, – неожиданно прозвучал в храме уверенный детский голос мальчика, сидевшего на скамейке позади церемонии и игриво качавшего ножками, не достававшими ещё до пола.

Ангел не мог понять, почему он не увидел мальчика, а ведь ангелы видят многое, и если бы от неожиданности он мог подпрыгнуть на месте, то он бы это сделал. Но ангелам не дано знать страха за себя, а удивляться они могут, и это был тот момент, в который он впервые за время своего бытия удивился так, как никогда ещё не удивлялся. И, не стараясь скрыть этого, он смотрел на сидящего мальчика лет семи широко открытыми глазами, пытаясь понять: «Кто это? И что со мной, ангелом, происходит?». Ангел сделал пару шагов от крестного, всё так же державшего младенца Дмитрия. Ребёнок смотрел на ангела, выжидая, когда удивление его чуточку поутихнет, и, дождавшись этого, продолжил:

– Я это... там, на руках моего дяди и сейчас вне мира людей, не пугайся меня, хотя... вам неведом страх... это я помню, – и, как будто это был обычный для него разговор, добавил: – Будем знакомы, тебе же вести меня по жизни и этому миру, где присутствует время, а его здесь, поверь, всегда мало, поэтому нам бы не мешало поскорее, познакомиться поблии...

– Почему ты здесь, в храме Божьем? – ангел не дал ребёнку договорить и перешёл сразу к вопросам, зная, что пока читаются молитвы, можно изменить всё. – Ты не демон, я это вижу, ты душа живая, – и он посмотрел на ребёнка, находившегося на руках родителей, и на мальчика, сидевшего на скамье.

– Ясное дело, что не демон, на подобные обряды им вход закрыт. Кстати, о демонах: они обо мне ещё не знают и, надеюсь, ещё долго не узнают. Но зачем я тебе всё это рассказываю? Ты, мой Ангел, настолько удивлён, что вряд ли мне веришь сейчас. Спроси сам у Небесной канцелярии, – ребёнок поднял указательный палец вверх и продолжил: – А я пока здесь посижу, подожду.

Ангел поднял взор и исчез, появившись через секунду вновь, и теперь он смотрел на ребёнка другим взглядом, но всё с тем же удивлением заговорил:

– Да... о тебе там знают, и дан я тебе, но почему-то они меня не предупредили, решили, что обо всём узнаю сам.

– Представитель Небесной канцелярии оказался неосведомленным? Да... зная «Главу» давно, могу уверенно сказать, что у него и у всей канцелярии с чувством юмора всё хорошо. И за это люблю Его, как и тебя, – детский, игривый, по-взрослому саркастический голосок на слове «люблю» дрогнул, по его щекам потекли слёзы. Набрав воздуха, пытаясь сдержать только известную ему горечь, о которой он вспомнил, мальчик промолвил полупшепотом, для самого себя: – А всё равно едва ли я это буду помнить.

Спрыгнув со скамейки, мальчик побежал к изумленному ангелу-хранителю и обнял его настолько крепко, насколько мог это сделать ребёнок. Ангел, стоявший всё там же, удивился ещё более, но обнял мальчика в ответ. Встав на одно колено, он прикрыл мальчика крыльями и, глядя ему в глаза и положив руку на плечо, сказал: – С верой в лучшее, Димка! Насчёт юмора в Небесной канцелярии и правда всё в порядке! – Улыбаясь, ангел посмотрел в сторону проходящей церемонии, которая подходила к завершению, и добавил: – Тебе пора!

– О, это точно, – шмыгая носом, мальчик посмотрел на ангела. И уже с улыбкой, которая вот-вот должна была вылиться в детский смех, произнёс: – Я сейчас орать, как ошпаренный, буду, – и мальчик исчез так же неожиданно, как и появился. А ангел, встав с колена, приблизился к купели. Он видел, как к ней приближается батюшка, держа ребёнка на руках. Ангел внимательно вглядывался в своего подопечного, преподнесшего ему такой сюрприз.

Батюшка уже заканчивал крещение, держа ребёнка на руках перед купелью, и, посмотрев на просыпающегося младенца Дмитрия, окунул его три раза в воду. Сквозь сильный рёв ребёнка было слышно:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа...

Шестнадцать лет спустя

За час до заката...

Светило солнце сквозь серое вечернее небо. Надежда становилась реальной, как и вид из кабины дальнобойной фуры, за рулём которой сидел ангел и потягивал свою большую, украшенную серебром табачную трубку. Последние четыре месяца в пути он редко начинал говорить первым, лишь иногда оглядывал с беспокойством и тихим вздохом подопечного. Порой одаривал улыбкой, окутывавшей теплом и ангельским добродушием. Будто в нём искал ответ на свой непростой вопрос.

Думал Димка о своём ангеле в такие моменты и старался ободрить его:

– Вот и солнце, Ангел! Посмотри, как греет!

Открыв окно, он вылез в него наполовину, крича во всё горло: «Ееххх!»», ловя взглядом лучи солнца с проносившимся ветром. Но маленькое безумство длилось не так долго, как хотелось, пару секунд, не более; ведь большая сильная рука потянула его обратно на сиденье.

– Не шали так, Димка, ведь не младенец! И вообще можешь случайно выпасть, а мне потом за тебя отвечай головой или крыльями, и поверь, я не знаю, что хуже.

– Нет, не выпал бы, даже если кто-то сильно захотел, всё равно бы не выпал, – возразил Димка своему ангелу.

– Это почему бы не выпал? – с полной серьёзностью спросил ангел-хранитель.

– Да потому что знаю, Ангел мой, ты меня поймаешь и не дашь упасть и разбиться, – и Димка с детской искренностью посмотрел на ангела. Ангел всё понял, и его серьёзное лицо сменила добродушная улыбка.

– Ну да... так оно и есть, – с гордостью ответил он, затянувшись сильнее табаком, и, выпуская большой клуб дыма, включил четвёртую передачу, прибавляя скорость фуры.

Ангелы – славный «народ». Но, на взгляд Димки, его хранителю немного не хватало оптимизма, тогда бы они с ним не спорили, а творили всё вместе. А как ангел порой смотрит на его поступки! По его лицу можно узнать всё, что он думает, чувствует. Именно за это Димка любил ангела – тот был искренен и всегда честен. Те ангелы, которых Димка встречал, были безмолвны и каменноподобны. Лица их не внушали ничего, даже страха. Димка не понимал, что они думают, что чувствуют, лишь видел лица с огоньками в глазах, а его же хранитель человечнее.

– Но всё равно помни, друг, – решил продолжить разговор ангел, – как бы я близко или далеко не находился, у тебя своя голова на плечах должна быть. И есть поступки, в которых я бессилен и безмолвен.

– Ведь вы, ангелы, способны на всё?!

– На всё, да не на всё. Пойми, – продолжил ангел, – вам, людям, даровано право неизвестности, а неизвестность – выбор, это право на свободу, поэтому мы лишь подсказываем, а не решаем за вас.

– А вам что, не дарована свобода?

– Дарована, но вместе с этим нам дан дар знать, что будет дальше во всех возможных случаях и ситуациях, и мы уже заранее выбираем самый оптимальный путь для нас самих.

– Эээ... понятно, а почему ты многое видишь, но порой мне не говоришь, как поступать? – с претензией спросил подопечный.

– А ты прислушиваешься ко мне? Думаешь обо мне, когда сломя голову мчишься к осуществлению своих замыслов?

– Нет, но это раньше было время, когда я мало уделял внимания тому, чтобы послушать тебя.

Димке стало неловко, ведь ангел и вправду всегда подсказывал, где нужно было притормозить, а он не слушал или, слыша, отмахивался от слов ангела, говоря ему: «Не бойся, мой Ангел, всё будет хорошо!» В итоге он оказывался с разбитыми коленями, а ангел поднимал его и отряхивал от пыли. И только после этого Димка осознавал, что нужно было притормозить, а не гнать на полную, ослеплённым своей целью.

– Да... кстати, пока не забыл, – уточнял ангел, – чтобы у тебя сложилось правильное мнение по этому вопросу. Я тоже не всегда знаю, что будет с тобой во всех подробностях. Ведь у тебя не два и не три выбора, как кажется, а куда более. Иногда встаю к тебе поближе и иду рядом, поддерживая, какой бы путь ты ни выбрал. Пойми... мы, ангелы, только про самих себя всё знаем, а ваши дороги и принятые решения хоть и видны нам, но они всегда остаются только вашими.

– Ангел, – вновь спросил его подопечный, – а кто знает всё-всё? И про тебя, и про меня, прям всё-всё на свете.

– Ну, как тебе объяснить это в рамках положенного... понимаешь... – ангел посмотрел Димке в глаза и, поняв, что тот слушает, продолжил: – Всё, что происходит, происходит потому, что оно произошло, а кто знает всё... – ангел с хитрецей приподнял свой взгляд вверх и, увидев понимание, не спеша отвернулся и с полной серьёзностью ответил: – Я лишь догадываюсь, а я не гадалка тебе, чтобы озвучивать свои догадки.

Димка понял, что ангел не имеет права ответить на все интересующие вопросы о его жизни, потому что он ангел, и он такой, какой он есть, но намекнуть всегда сможет, если его внимательно слушать.

Они продолжали ехать вместе. И ехали по этой дороге шестнадцать лет, именно столько лет Димке, столько лет ангел оберегал его, давая нужное смирение и надежду; в самое трудное время он оказывался рядом, и они вместе проходили те пути и испытания, которые могли ждать за любым поворотом дороги, название которой – жизнь. Дружили они с самого детства. Сколько Димка себя помнил, столько он и ангела знал; правда, в детстве ангел редко появлялся, лишь в минуты отчаяния и глубокого непонимания этого мира. И если бы не мудрость его ангела, то все непонимания Димки могли бы вылиться в большие неприятности для людей или в сильную непогоду. Порой он знал и чувствовал присутствие хранителя, особенно когда было опасно; иногда догадывался, что ангел где-то рядом, не дальше его взора или слова. Димка вновь посмотрел на своего ангела-хранителя и сейчас на его лице увидел что-то новое. Ангел думал о чём-то другом, не столь печальном и неясном, как показалось вначале. Украшенная серебром и узорами трубка по-прежнему выпускала тонкую ниточку дыма, подобную змейке, вылетающую в слегка приоткрытое боковое окно.

Ангел продолжал смотреть вдаль, обгоняя машины, а Димка удивлялся его способности быть в себе и быть здесь. Он вглядывался вдаль, смотрел, где стоит свернуть, а где притормозить, даже если трасса была свободна и, как казалось, на десяток километров просматривалась. Но главное, что в ангеле было для него родным и удивительным, так это способность молчать и понимать молчание. Вот и сейчас наступило молчание, которое ангел решил разбить музыкой из радио. Подопечный же погрузился в свои собственные мысли. Очень часто его в последнее время мучило ощущение чего-то большого и неизвестного.

Солнце клонилось к закату, небо стало темнеть. Димка ощутил, что его сильно клонит в сон. Он перебрался на кровать, что находилась за водительским сиденьем, но кровать – слишком громкое название для автомобильного дивана в дальнобойном тягаче. Свернувшись в клубок, Димка подбил подушку и, стянув плед с верхней полки, сказал ангелу:

– Я спать, Ангел мой.

– Давай, давай, отоспись, – ответил ему ангел, продолжая вглядываться в дорогу.

– Добрых дорог тебе, – проговорил Димка перед тем, как решил провалиться в сон.

– И тебе, друг.

– В смысле? – возникшее любопытство отбило желание уснуть.

– В том смысле, что сон – тоже дорога, – ответил ангел и, зная интерес ко всему со стороны подопечного, строго продолжил: – Ладно, хватит на сегодня разговоров, спи, а то с твоим любопытством снова не выспишься, а мне тебя сонного ещё по дню вести.

Повернувшись к Димке, посмотрел на него ангельским взглядом, который рассеивал все вопросы и сомнения. И то ли от усталости, то ли от взгляда ангела подопечный не понял, когда окончательно провалился в сон. А ангел продолжил тянуть трубку, поставив звук радио на громкость, которая не потревожит, и начал негромко подпевать песне:

Мы верим,, что есть свобода,

Пока жива мечта.

Верим в свою свободу,

И будет так всегда...¹

---

¹ Композиция группы «Ария» «Свобода».

Пробуждение

Холодный душ бодрил, горячий кофе согревал...

Прохладным весенним майским утром Димка сидел в халате на крыльце дома. Покуривал свой любимый «Парлик»², смотря на птиц, сидящих в густых ветках тополя. В природе не было людской суеты, которая ему была так чужда. В такие моменты любые размышления давались очень легко, и он вспоминал сон, пытаясь выстроить его в логическую цепочку, зная, что в снах можно найти подсказки его ангела.

– Хм... – думал он, – в очередной раз засыпая там, я просыпаюсь здесь. А может, наоборот? Сплю здесь, а просыпаюсь там? Нет... вряд ли. Ведь там всегда разные сюжеты и место действий, и не во всех снах есть мой ангел. Почему-то раньше я не задавался этим вопросом, правда, чем старше становлюсь, тем больше вопросов и тем меньше желания искать на них ответы. Вроде вновь снилась дорога. Месяца три периодически она снится, и ведь понимаю, для чего мы едем, только куда едем? Просыпаясь, не помню. Наверное, по каким-то важным делам, – приходил к выводу он. – Делаю, хм... делаю? Что-то у меня с этим ассоциируется...

– Блин! – вырвалось у него во весь голос, и, посмотрев на наручные часы, он увидел, что время 10:10, понедельник. И его последний экзамен шёл уже десять минут.

За победу в олимпиаде по истории оценка за год выводилась автоматически – «отлично», но он так же отлично знал своего преподавателя; его беспечное опоздание может быть воспринято как наглость, а наглость у Ирины Николаевны наказывалась вопросами, притом долгими и нудными вопросами. Спустя пять минут его ноги чеканили такой быстрый шаг, что со стороны это казалось лёгким бегом. Внутри явственно обитало ощущение, что в данный момент он опаздывает, но в общей перспективе успевает. Через десять минут рука занеслась над дверью класса в тихом школьном холле. Смотря на номер кабинета и глубоко выдыхая, он постучался и, не дождавшись ответа, открыл дверь.

– Разрешите войти, Ирина Николаевна, – отрапортовал Димка, будто военный, который явился, как только смог.

– А зачем? – повернулась в его сторону учительница и, прищурившись сквозь очки, начала прожигать пронизательным взглядом. Этот взгляд, изученный им за три года, не сулил ничего хорошего.

– Чтобы увидеть вас, своего любимого преподавателя, Ирина Николаевна, – ответил он, едва сдерживая улыбку.

– Неужели? – её строгий голос перешёл на наигранное удивление. – Возможно, и остальные двадцать человек пришли за тем же, что и ты? Так они ведь не опоздали, в отличие от тебя, Дима, и могут дольше созерцать меня, красивую, – ответила преподаватель, добавив к словам такую же сдержанную улыбку.

– Грешен, Ирина Николаевна, грешен, но, поймите, долго не мог выбрать рубашку для радости глаз ваших, поэтому и надел футболку, чтобы запомниться вам в этом учебном году на фоне двадцати человек в костюмах, – и с такой любовью и замиранием дыхания посмотрел в глаза учительнице – так даже фанаты не смотрят на своих кумиров при встрече.

– Силён подхалимничать, силён, и где так глазёнки свои хитрые научился строить, ведь, не знай я тебя три года, Дима, поверила бы, – уже более мягким, прощающим тоном говорила Ирина Николаевна.

---

² «Парламент», марка сигарет.

– Так в России живём, тут на что ни посмотри, сердце любовью ко всему прекрасному наполняется, и от этого каждое слово становится наполненным любовью к окружающим людям.

– Ох, чертыга языкастый, но, не поверишь, я вот минут двадцать назад начала способ наказания для тебя придумывать, коли отважишься зайти после звонка. Всё не могла выбрать, с чего начну: за тесты посажу или за всех тесты заставлю решать. Случаем, ты мне не посоветуешь, что выбрать для тебя?

При этом вопросе у той части класса, которая умудрилась начать списывать, появилась крохотная надежда, что так оно и будет и им не придётся решать исторические головоломки от самого строгого преподавателя школы. Другая же часть класса просто не обращала внимания на происходящее, зная, что вероятность ничего не делать и получить хорошую оценку у Ирины Николаевны совершенно отсутствует, даже для Карамзина.

Димка, стоя в раздумье, смотрел в глаза преподавателя, она сквозь очки смотрела на него, ожидая, какой из предложенных вариантов наказания он выберет.

«Нет, не буду я ничего из предложенного вами делать, мне что, заняться нечем?» – подумал он про себя, не отводя взгляда. Два предложенных варианта его совершенно не устраивали, и, вспомнив сон с ангелом, он придумал. Правда, то, что он обычно придумывает, у ангела в большинстве случаев вызывает желание его укорить. Первая пришедшая в голову мысль была именно из этого списка. «Как, не сделав сейчас, узнаешь?» – успокоил он себя, выдохнул и уже без какой-либо наигранности, как будто готов с лёгкостью принять любой вариант её наказания, ответил:

– А может, лучше чайку попьём, Ирина Николаевна?

Димка спросил это, останавливая «мгновение времени», в котором преподаватель и класс замерли. Вглядываясь в глаза учителя, Димка видел искры сомнения и расстройств, бушевавшие вокруг неё. Решив не терять время, он представил, что её окружает бело-серебристое облако, поглощавшее все сомнения. Как это называется и работает, он не знал, главным для него был результат, а результат всегда был одинаковый: человек становился более спокойным и добрым к людям. Димка закрыл глаза, выдохнул, вернулся в привычную реальность, всё так же смотря в глаза преподавателя.

– Мы с тобой чай будем пить, а остальные – париться?! Нет уж, друг, не в этот раз. И тебе сегодня повезло всех меньше. Конечно, учитывая твои былые заслуги перед школой и нынешнее категорически неприемлемое опоздание... – её голос становился мягче, она вздохнула и, неожиданно для всех, продолжила говорить с другой, более лёгкой интонацией: – В конце концов, я ставлю тебе отлично за все твои старания. Всё же для меня главное не способ, а результат твоего учебного процесса. Надеюсь, свой дневник не забыл сегодня? И что стоишь до сих пор у порога, глаза мне мозоля? Проходи.

«Сработало», – понял Димка и с лёгкой душой подошёл к учительскому столу, явственно ощущая матерный холод с последних парт, понимая, что в любом месте найдётся человек, который будет радоваться его успехам и особо радоваться его неудачам. Но он всё равно их любил по-человечески. Понимая, что, во-первых, это бесит их ещё больше, а во-вторых, он же не зеркало, чтобы быть отражением чьих-то эмоций. Использование того, что он называл мгновением, в котором интуитивно делал то, чему и сам не мог дать объяснение, вновь ему помогло.

Среди бумаг и другой канцелярской мелочи учительского стола зазвонил телефон, и на весь класс заиграла знакомая мелодия Баха, что для всех показалось странным. Обычно, чтобы не отвлекаться от учебного процесса, Ирина Николаевна ставила свой мобильный телефон в беззвучный режим. Об этом же просила весь класс в добровольно-принудительном порядке. Забыв про существование всего окружающего мира, с английской выдержкой, она взяла в руки старенький «Nokia» и, прижав крепче к уху, слушала говорящего, постепенно рас-

плываясь в улыбке. Потом, так же не спеша, положила телефон на стол, посмотрела на него ещё разок с радостным взглядом и, взяв дневник у ничего не понявшего Димки, вывела ему «отлично» с тремя восклицательными знаками перед своей подписью. Димка, опасаясь, что мог переборщить в мгновении, вновь остановил его. И видел вокруг Ирины Николаевны совершенно чистое, оранжевое, сияющее настроение, которое ни одно волшебное облако не способно сотворить для человека. «Пронесло», – подумал он про себя и вновь вернулся в привычную реальность, понимая, что дело было в телефонном звонке.

– Жаль, мой друг, – вновь заговорила Ирина Николаевна, – но вначале ты был прав по поводу того, что не увидимся. Притом не три месяца, о которых говорил, а гораздо дольше. Ладно, что я тебе одному объясняю, всё равно всем надо сказать. Иди, присаживайся к Крайневу.

Димка пошёл к своему тёзке, он единственный отвлекся и наблюдал последние три минуты за происходящим с привычной для него невозмутимостью. Друзья молча пожали друг другу руки, Димка облокотил голову на ладонь, еле сдерживаясь, чтобы не уснуть от всех сотворённых чудес, от которых его всегда тянуло в сон.

Ирина Николаевна посмотрела на весь класс, на некоторых остановила свой задумчивый взгляд. В большинстве своём класс продолжал писать экзамен, кто-то заканчивал списывать, а кто-то скучал, делая вид, что перечитывает приготовленный текст, готовясь к устному ответу.

– Так, мои дорогие, все обратили внимание на меня, – постучала учительница по столу шариковой ручкой. Весь класс обратил внимание в ту же секунду, гадая, что на этот раз выдаст их классный руководитель. И, убедившись, что на неё смотрит каждый ученик, продолжила:

– Здесь мне Дима о чае напомнил, который, как вы знаете, я очень люблю и, к моему сожалению, не успела им насладиться в полной мере утром. Но сказать сейчас хочу не об этом. Мои друзья, я поняла, что была к вам порой строга на протяжении этих лет. Также окончательно сделала вывод, кто из вас и насколько знает мой предмет. Поэтому, сложив свою строгость и ваши знания, решила следующее: кого устраивает оценка на балл выше, чем в предыдущей четверти, прошу сдать дневники старосте.

Ученики с последних парт взмыли ракетами, спеша отдать дневники русоволосой Ольге. Они не подумали, что если сдадут дневники первыми, оценку им поставят последним...

Прохладное утро мая постепенно сменилось тёплым днём, предвещавшим быть аномально жарким и безветренным для этих мест. На мосту, что разделял пруд на две части, стоял Димка. Его всегда тянуло к воде, особенно после того, как он устало заканчивал что-то в своей жизни. Вот и в этот раз, сдав последний экзамен, пришёл к любимому месту и, смотря на синюю гладь воды с играющими бликами солнца, придумывал, чем бы заняться в летние каникулы. Но, к его радости, в голову ничего не шло, что для него было большой редкостью. Присев на перила моста и оглядевшись, он никого не увидел и стал доставать сигареты, решив со спокойной душой закурить, не боясь быть замеченным кем-то из взрослых. Доставая из кармана пачку, услышал, как часы просигналили полдень, но, по его ощущениям, на часах должно быть не более одиннадцати. Посмотрев на циферблат и видя ровно двенадцать, задумался: «Странно, вроде, новые, а спешат. А в часах ли дело?» Оглядевшись вокруг ещё раз, увидел, как мир вокруг постепенно замедляется, и лучи солнца, отражённые в ряби воды, как на картине, застывают. Задумавшись и поняв, он улыбнулся и, не дождавсь, когда всё вокруг окончательно остановится, радостно крикнул:

– Привет! Какими дорогами в моих краях?!

Повернув голову направо, он увидел своего ангела во плоти, привычно курящего трубку, и наблюдал за тем, как его сияющие крылья растворялись перед застывшим горизонтом.

– Твоими, друг. Да, заглянул я поздравить с успешно сданным экзаменом и сказать, что заметил в тебе, как силы набираются.

– А ты почаще появляйся – и замечать не будешь, – ответил с шутливой укоризной Димка, испытывающий неуловимую радость, всегда появляющуюся вместе с ангелом.

– А я разве отхожу от тебя? – риторически спрашивал ангел-хранитель. – Подумай, что было бы, если бы всё время за тобой ходил и говорил, что и как лучше делать? Сам знаешь, характер у тебя не подарок, и как, по-твоему, мы бы уживались? – ответил ангел, не скрывая радости встречи.

– Ну, тут два варианта, – ответил ему Димка, – либо я исправился, либо ты испортился. А нет, подожди... – вспомнив отрывки сегодняшнего сна, продолжил: – Как ты говорил, у человека не два и не три выбора, так что откуда мне знать, к чему это привело бы.

– Всегда находишь, что ответить своему ангелу. Ну да ладно, не корить я тебя явился, а спросить, как ты? – ангел посмотрел на подопечного взглядом, который ясно давал понять, что он и так всё знает, но услышать хочет от Димки.

– Сам же видел, в школу ходил экзамен проставить, вроде в этот раз ничего особенного, – Димка решил умолчать до последнего о мгновении, использование которого ангел не одобрял.

– Что я там вижу и что тут происходит – разное видение жизни. И порой оттуда такого насмотришься, что нормальный человек после этого спокойно как спать перестанет, так и жить.

– Так что же тебе мешает сойти с Небесной канцелярии к нам, на землю, и видеть всё в привычном ракурсе?

– Мешает? Ха! Нам, ангелам, поверь, ничто ни в том, ни в этом мире не мешает. Но если ты говоришь о причине такого существования, то правильнее говорить не о том, что мешает, а что даёт смысл того бытия, в котором я нахожусь большую часть времени, и называется всё это – Любовь. Да и кому я тебя, кроме себя, доверю? – ответил ангел, продолжая смотреть на Димку тем же знающим, ожидающим ответа взглядом.

– Ладно, рассказывай, что я вновь такого натворил, что ты весь во плоти со мной разговор ведёшь, по глазам же вижу, что хочешь услышать что-то.

– Ну как натворил... Скорее, сотворил, – и почему-то после этого Димке вспомнились Ирина Николаевна и то, как он останавливал мгновение, чтобы изменить ей настроение.

– Да, она самая, – сказал ангел, продолжая смотреть на своего подопечного.

– Так нечестно, ты читаешь меня, как книгу, – возразил Димка, чувствуя, что его мысли как на ладони для ангела.

– Ничего подобного, – парировал ангел-хранитель с улыбкой, смягчив свой пронизательный взгляд. – Просто ты умный, а я вполне логичный, а другими словами, не первый век на всё смотрю, в том числе и на лица, которые и в молчании скажут многое. Да и ты знаешь, что на всё это я так же смотрел, как и на тебя сейчас, просто находился чуть дальше, чем ты мог бы почувствовать.

– Выходит, ничего плохого я не натворил? – с надеждой спросил подопечный у ангела.

– Вот поэтому ещё раз и говорю, что сотворил: взял и сдал экзамен, вдобавок помог своей классной руководительнице избежать в дальнейшем проблем с сердцем, уж больно она переживала по поводу своей мечты, которая и так бы осуществилась.

– Да брось, по поводу настроения и сердца я понял, но экзамен всем проставить она же сама изъявила желание? Так что я ни при чём.

– А ты, случаем, не предполагал, что желания – это прямое следствие настроения? При том тобою же вовремя изменённого настроения.

– Нет, не думал об этом, да и не согласен с тобой, Ангел мой. Вот, к примеру, я хочу «Accord»³ вне зависимости от того, какое у меня настроение.

– За смекалку ставлю пятёрку, но когда ты научишься слушать до конца, не оспаривая и не перебивая?

---

³ Модель автомобиля.

– Как говорят, по вечерам, а что с этого я иметь буду?

– А я тебе окно помогу сегодня открыть, – ответил интригующе ангел.

Про какое окно говорил он, Димка не понимал. Но, зная ангела всю сознательную жизнь, мог уверенно сказать, что его ангел никогда и ни при каких обстоятельствах ему не врал. Как-то Димка спросил у него: «Почему, Ангел мой, ты никогда не врешь, даже в мелочах?» На что тот ответил: «Тот, кто любит, не врёт».

– Окно так окно, не «Accord», конечно, но и на этом спасибо, – торговаться с небесами, как подозревал Димка, дело бессмысленное. – Договорились. Всё, сегодня тебя слушаю внимательно, – и Димка, замолчав, начал внимательно смотреть на ангела в ожидании важных слов.

– Почему только сегодня? – удивился по-детски ангел-хранитель.

– Окно ты мне сегодня поможешь открыть, так? – риторически спрашивал подопечный. – Не перебиваю, значит, тебя только сегодня. Всё честно, мой Ангел, – Димка замолчал, показывая всем видом, что так же готов слушать и не перебивать. Ангел рассмеялся, понимая шутку.

– Ну что ж, за способность вывернуться из любой ситуации, даже в разговоре с представителем Небесной канцелярии, тебе тоже зачёт. Так вот, мой друг, как я говорил ранее, прибыл сказать тебе, что ты становишься сильнее, и даю тебе совет, чтобы ты пропорционально своей силе ещё старался быть мудрее, ибо сила без мудрости становится наказанием.

– Как понимаю, сегодня я сделал всё хорошо? Тебя, мой Ангел, правильно ли понял? – уточнил Димка.

– Хорошо, – ангел кивнул головой. – Сделал бы ты плохо, сдавать бы тогда тебе и всему классу экзамен другому преподавателю.

– Я так и подумал, что ничего плохого не делаю, ведь ты стоял рядом и наверняка плохое бы сделать мне не позволил.

– Ты что, запямятовал, что нам снилось сегодня?

– Свобода выбора? – весь дорожный сон вновь промчался перед глазами подопечного.

– Ага, она самая, друг, она самая, поэтому ты сам выбираешь, хорошо или плохо поступить, а я могу лишь намекнуть совестью, как это, на ангельский взгляд, смотрится, да и то когда ты не слишком далеко от меня, представителя Небесной канцелярии, отходишь. Хах, интересное все-таки название ты придумал – Небесная канцелярия, – ангел будто что-то вспомнил из своего прошлого, но оставил эти воспоминания для себя.

– А почему ты говоришь «снилось нам», ангелы разве спят? – удивился Димка, считающий, что ангелы никогда не спят, охраняя доверенных им людей.

– Коли ты спишь, то и часть меня охраняет тебя во сне, а следовательно, спит вместе с тобой, – ответил ангел.

– Тогда к чему сон сегодняшней был? И куда мы едем?

– Едем, летим, идём, ползём – главное то, что движемся, и, судя по всему, более или менее правильно, в общем, на вопрос твой ответил. А к чему сон? Откуда я знаю, твой же сон, вот ты сам и думай, к чему тебе сны такие снятся.

– Снова твои намёки и загадки, с явным привкусом нежелания рассказать о моём же сне, в котором ты и участвовал, – сказал Димка, понимая, что ангел никогда не будет отвечать на то, на что он не собирался сегодня ответить.

– Не одними же учебниками твой разум развивать. И да, мой друг, с удовольствием постоял бы с тобой ещё с полчаса, но мне, как и тебе, пора.

Крылья ангела снова появились за спиной, приняв привычное для них положение.

– Почему пора? – огорчился подопечный, который всегда радовался редким встречам со своим ангелом и искренне грустил, когда они подходили к завершению.

– А вот почему, – ответил он, проведя рукой по воздуху. Димка увидел над гладью застывшей воды, как его друг Андрей выходит из дома с ключами от машины, а другой рукой набирает его номер и жмёт клавишу вызова.

– Понятно, Ангел, кажется, он снова мою гитару позабыл взять, а ведь говорил две недели назад, что на неделю возьмёт.

– Так напомни ему об этом, когда позвонит, – сказал ангел и посмотрел на своего подопечного с улыбкой. Положив руку на его плечо, ангел исчез.

Мир вновь постепенно стал оживать в движениях, наполненный чувством радости и спокойствия от появления хранителя. Но даже с наполненной радостью мира в Димке оставалось место для непонятной грусти, потому что ангел-хранитель находится рядом, но в каком-то недостижимом для него мире.

– Это не повод для грусти, мой друг, – вновь он услышал добрый голос ангела.

Димка улыбнулся, продолжая смотреть на играющую светом гладь воды. И когда решил закурить, то осознал и вспомнил, что, возвращаясь из школы и по пути на пруд, не встретил ни одного человека, машину либо что-то присущее реальности мира. «Да, это не сон, – констатировал он для себя, – а некая другая реальность мира, где...» – и его мысль оборвалась неприятным толчком в ребро. Он зажмурился и услышал голос своего тёзки, который будто находился рядом.

– Димон, – очередной дружеский и сильный удар локтем окончательно разбудил находившегося в том же положении за школьной партой, шутившегося от света Димку.

– А! Что случилось? – не понимая, что происходит, спросил он, пытаясь сфокусировать взгляд на расплывчатых силуэтах школьного класса.

– Да тихо ты, – шёпотом сказал тёзка, – ничего серьёзного, просто ты уснул, и на тебя классная обратила внимание.

– Ох, блин, – вырвалось у Димки. Чувствуя, как сильно затекли ноги и рука, на которую он облокотился, провалившись в сон, медленно и мучительно стал разминать их. Вслушивался в то, как Ирина Николаевна заканчивала свою напутственную речь классу:

– Дорогие мои друзья, желаю вам быть упорными в любой науке, в том числе и в истории. Ещё пожелаю, чтобы вы никогда не были такими раздолбаями, как Дима, который меня, любимую, слышит и созерцает даже сквозь сон, – и, подождав, когда весь класс перестанет смеяться, договорила: – Хорошего вам лета, всем спасибо за эти чудесные годы, можете идти.

Класс начал расходиться, некоторые подходили и прощались с Ириной Николаевной, некоторые пытались её уговорить остаться работать в школе. Куда она направляется и когда вернется, им не сказала, но открытку прислать обещала каждому, если ученики дадут ей спокойно собрать вещи. От такого предложения никто не смог отказаться, вскоре вокруг учительского стола никого не осталось.

Размяв затёкшие ноги и руки, друзья остались последними, кто выходил из класса, и, подходя к учительскому столу, они прощались с учителем.

– До свидания, Ирина Николаевна, и хорошего вам лета, – подошёл с пожеланием первым тёзка. А за ним, похрамывая от всё ещё затёкших ног, шёл Димка.

– И тебе, рыжий, а вот и наш засоня идёт. Послушай, Дим, да не ты, Крайнев, а ты, – и, указав открытой ладонью на Димку, продолжила: – Ты очень способный мальчик, но с твоим раздолбайством всё приравнивается к знанию чуть выше среднего, постарайся не халтурить в моё отсутствие.

– Ирина Николаевна, конечно, постараюсь, но всё же про мои способности к наукам можно было сказать при классе? А то как раздолбай, так при всех, а как способный, так только тет-а-тет.

– Конечно, можно было, но другие бы примера в тебе, спящем, не увидели.

– А куда вы собрались-то, Ирина Николаевна? – тёзка смотрел на сумку, наполненную всем, что скопилось за год у учителя. Каким чудом она смогла всё вместить, для него оставалось загадкой.

– На славный остров Крит для начала, потом уж по всей Греции, а там – куда настроение поведёт, друзья.

– И давно учителям так зарплату подняли? – тёзку продолжало разрывать любопытство, которое он никак не проявлял внешне – ни словом, ни взглядом.

– На нашу учительскую зарплату чаю себе путёвого не купишь, рыжий, а вот на честно сбережённые и выигранные у одного буржуа средства в покер, что не любит случайных людей, можно пожить годик-другой в любом месте мира, о чём я так давно и мечтала. Ох, мальчики, как же я ждала перевода средств, о прибытии которых на мой счёт сообщили из банка с полчаса назад. Вы даже не представляете, насколько неприятная личность этот буржуа, думала, что скроется от бедной женщины и не вернёт выигрыш, на который я собралась осуществить свою мечту. От этих волнений у меня даже сердечко покалывало, пока не узнала, что перевёл, пронесло.

Пробежав быстрым взглядом по опустевшему столу и освобождённой тумбочке, Ирина Николаевна посмотрела на двух изумлённых друзей:

– Да, надеюсь, мальчики, вы же никому не расскажете об этом? Я увольняюсь сегодня, но кто знает, может, соскучусь по преподаванию и решу вернуться в это славное место. Правда, сомневаюсь, что директор после того, как его через полчаса пошлю и скажу всё, что о нём думаю, примет меня обратно, зная, что я порой играю в карты.

– Нет, не скажем, мы всегда рады вам, особенно когда вы выигрываете, – совершенно честно ответил тёзка.

– Ну, вот и хорошо, значит, надумаю вернуться – примет.

Проверив пустую тумбочку ещё раз, Ирина Николаевна накинула на плечо разбухшую от вещей сумочку и, торопясь, направилась в сторону двери.

– Ах, чуть не забыла, – она повернулась к друзьям, которые так же продолжали стоять в изумлении. – До свидания, два моих любимых ученика, и мой вам личный совет: учиться не только в системе нашего образования, но и друг у друга, ибо, на мой взгляд, вам есть чему учиться. Ключи оставите в учительской, и храни вас Господь.

В её голосе звучали небольшие нотки искренней грусти, она прощалась с тем, во что за последние три года выросла душой, давая рост многим, нет, не только знаниями, а чем-то большим, что куда важнее дат и цифр.

– До свидания, Ирина Николаевна, – ответили в один голос друзья.

Выйдя из класса, в котором оставались два удивлённых ученика, учитель тихо прикрыла за собой дверь.

– Я в шоке от этой тётки, никогда бы и не подумал, что она играет в покер, – заговорил Димка.

– Так в этом-то вся суть покера, дружище: показывать именно те эмоции, которые нужно, или вообще их не показывать, в зависимости от мастерства и цели.

Закрыв школьный класс, два друга зашли в учительскую повесить ключ от сто третьего кабинета, в котором до сегодняшнего момента преподавала их классный руководитель, вполне добрый для них человек.

По дороге домой

На перекрёстке дорог, что вели к школе, друзья разошлись, попрощавшись до вечера. Димка пошёл дорогой через пруд, решив прогуляться, а его тёзка направился домой, отказавшись от прогулки из-за наступающей жары, что являлось большой редкостью для майской погоды горного Урала. Ноги сами вели Димку, выбирая тихие и безлюдные улочки села. Его мысли были об ангеле.

«В последнее время Ангел стал сниться и появляться чаще, – завёл монолог размышлений он. – Правда, и сном это не назовёшь, скорее, другое пространство, где есть Ангел и я. Это и не сон, и не бодрствование – точно. Но и не реальность, в мгновение которой можно изменить настроение людей, видя мир совершенно иным. Да... раньше тоже получалось останавливать мгновение, но лишь в моменты сильного волнения или опасности, а сегодня это получилось почти осознанно. Хм... почему, не зная осознанно, неосознанно это умею? Ангел, конечно, на это раз десять мне отвечал, что «каждому ответу своё время». Скрывает ли он что-то под этим? Вряд ли... Скорее, просто проявляет заботу. Наверное, считая, что чем меньше я знаю, тем крепче сплю».

Эти размышления навеяли тоскливое настроение. Димка почувствовал, что знает ответ, но просто забыл его. Подойдя к мосту, возле которого они совсем недавно стояли с ангелом, Димка сказал себе строго: «В конце концов! Я сдал последний экзамен, а это значит одно – жизнь без забот, а не думанье об устройстве мироздания». Осмотрев водную гладь пруда, он улыбнулся, начал быстро раздеваться, чтобы не передумать, побежал по железному мосту, в конце которого, подпрыгнув, с криком «Хакуна матата!»⁴ плюхнулся в воду, зная, что это хороший способ избавиться от всех гнетущих мыслей. Вот и в этот раз всё – сонное утро, размышления о мироустройстве – сразу смыло. Понимая, что голова свободна от всех снов, а тело начинает замерзать, Димка поскорее поплыл к берегу, придерживая трусы: они не были рассчитаны на плаванье и всё время норовили слететь в воде. Выйдя, аккуратно ступая по камням, он подошёл к вещам с желанием поскорее надеть футболку, чтобы согреться. Увидел, что сработал телефон, лежавший на джинсах среди сигарет и ключей. «Наверное, мама звонит», – подумал, дрожа от холода, замерзший в воде Димка. Но, глядя на экран, понял, что сбывается показанное ангелом видение:

– Да, привет, Андрюх.

– Здорово, ты где сейчас?

– На пруду купаюсь, – сказал Димка, дрожа от холода и доставая сигарету.

– Тогда жди меня там, я сейчас подъеду, дело к тебе есть, хорошо?

– Хорошо. Да, Андрюх! Только гитару не забудь взять, пожалуйста, а то неделю уже возвращаешь.

– Блин, точно, ты как в воду смотришь! Ладно, сейчас вернусь за ней, жди меня.

В телефоне послышались гудки. Положив телефон в карман, Димка посмотрел в сторону горизонта, подумав с ироничной улыбкой об ангеле: «Показать или сказать, с каким счётом закончится матч «Зенит» – «Спартак», так это нельзя. А мелочь, то, что друг забыл гитару, так это пожалуйста, словно есть разница, когда её заберу».

Решив скоротать время там, где и стоял с ангелом ещё с полчаса назад, Димка закурил, согреваясь жарким солнцем и сухим дымом. Не успела истлеть сигарета, а голова высохнуть, как из-за поворота на большой скорости выехала тёмно-фиолетовая машина, за которой поднималось облако пыли. Андрей был ровесником Димки, и садиться за руль автомобиля он не

⁴ С языка суахили – «Жизнь без забот!»

имел права, но в этой части села ему на это было всё равно. Водить автомобиль Андрея учили, когда он ещё читать толком не умел, поэтому ездил вполне профессионально.

Подъезжая к мосту, Андрей на скорости сделал резкий полицейский разворот, остановившись в метре от перил. Большое облако пыли полетело в сторону Димки, успевшего подумать, что друг его – финторез.

Остановив мгновение, в котором всё двигалось значительно медленнее, Димка поднял руку навстречу летящей пыли, которая уже практически долетела до него. Представив непроницаемую стену, он подумал интуитивно о ветре и вернулся из мгновения. Наблюдал, как пыльное облако резко понеслось в противоположную сторону, так и не успев долететь до него и его одежды.

Андрей выходил из машины и почувствовал резкий порыв ветра, несшегося ему навстречу.

– Апчхи! – чихнул он, прикрывая лицо рукой от закрутившейся пыли.

– Будь здоров! Выпендрёжник, – приветствовал, смеясь, Димка друга.

– Да вроде когда ехал, ветер был попутный, – отряхивая футболку, ответил удивлённый произошедшим Андрей.

– Так вода рядом, ветер тут разный, да и сам понимаешь, машина – это не веник, чтобы ей пылить.

– Зато красиво было в повороте. Так, как сам? Как экзамен прошёл?

– Хорошо, мы с Краем сдали на «отлично». Кстати, можешь окунуться, полегчает, да и от пыли умоешься.

– Да некогда мне, я же по делу заехал, – отвечал, как обычно деловито, Андрей.

– Тебе всегда некогда, занятой ты наш, – подметил Димка.

– Да я серьёзно. Олеся скоро приедет, встречать на вокзале надо.

– Ей идти-то до дома минут восемь.

– Сумки, все дела, да и соскучилась по мне, говорит. Как тут не встретить на машине.

– Ну... да, – согласился Димка, хороший финт всегда дороже денег. – Короче, ты по ней соскучился, поэтому и не можешь постоять и покурить спокойно с другом?

– Ага, и по поводу моего дела к тебе. Она с сестрой приезжает.

– У неё же, вроде, только брат? – уточнил Димка, считавший, что вполне хорошо знает родственников Олеси, с которой был знаком ещё по театральной студии.

– Сестра двоюродная, Юлька. Леська к родственникам в Украину ездила. В общем, той дома, видать, делать было нечего, вот она и едет к родне с ответным визитом.

– Ага, Андрюх, кажется, я понял, что ты хочешь, – перебил его Димка. – Я буду развлекать эту сестру, как твой верный друг, пока ты катаешься с Олесей и показываешь глубину своих амурных чувств? Я правильно понимаю суть твоего дела?

– В общем-то, да. Ты же знаешь характер Олеси. Чтобы она оставила бедняжку сестру без внимания – это не про неё. Погуляешь с Юлькой, отвлечёшь её от сестринской заботы и гостеприимства. Олеся тебя единственного из компании считает нормальным человеком, которому можно доверять. Да и ты давно без девушки. Тебя, в отличие от наших, не приревнуют за подобные манёвры. А моей скоро вновь уезжать, на этот раз от университета на фестиваль собралась. Хрен его знает, куда и на сколько, хочу побольше с ней времени провести. Выручишь, а?

– Хорошо, но потом сочтёмся. И где моя, блин, гитара?! – спросил Димка.

– Договорились. Правильно, что напомнил, а то я вновь чуть не забыл её, когда вышел из дома. Честное слово, всю неделю собирался тебе завезти, да всё дела да дела, ну сам понимаешь.

– Ага, – вновь с иронией согласил Димка, припомнив видение с ангелом. Андрей открыл дверь, стал доставать гитару, что была пристёгнута ремнём на заднем сиденье. Из его кармана

послышался звонок с романтической композицией на рингтоне; он достал телефон, быстро ответив:

– Да, дорогая, хорошо, сейчас выезжаю, и я тебя, – потом, поглядев для надёжности на экран, бросил телефон на пассажирское сиденье.

– Слушай, Андрюх, а что у тебя за рингтон на входящий стоит, случаем не *My heart will go on*⁵? – еле сдерживаясь от смеха, спросил Димка.

– Да, он самый, Олеся мне его поставила.

– А логин и пароль от социальных сетей ты ещё, надеюсь, ей не отдал? А то впечатление обо мне как достойном кандидате для общения с сестрой всяко попортится.

– Нет, я же не подкаблучник, – утвердительно отвечал Андрей.

– Ага, я вижу. Остался ещё не завоёванный островок свободы.

– Вот влюбишься, посмотрим, кем ты станешь.

– Главное, кем я останусь, друг. Да и, вроде, звёзды в небе ещё не сошлись так, чтобы я влюбился.

– А как днём узнаешь, сошлись ли звёзды? Всё мне пора, а то моя с сестрой уже подъезжают, а мне ещё за цветами в магазин.

– Ага, езжай-езжай, а то ещё накажет за опоздание, – стараясь сдержать явный дружеский сарказм, ответил Димка, посчитавший явным перебором мелодию звонка.

– Вот как раз этого мне и не хватало последние две недели, приколист хренов. Ладно, помчал я, – с улыбкой добавил Андрей, садясь в машину. И столь же быстро поехал встречать любимую и её сестру, с которой Димка согласился прогуливаться по вечерам.

Димка оделся и, накинув на плечо гитару с изображением большой буквы «А» и чуть ниже – шута в колпаке, не спеша побрёл в сторону дома, свободный от каких-либо размышлений о сложности этого мира и с явным желанием пообедать, а то из-за всех этих чудес у него разыгрался аппетит.

Взглянул на часы, они показывали начало второго. Димка успокоился, понимая, что дома уже находится мама и, скорее всего, разогревает обед...

***

– Как экзамен? – поинтересовалась мама, накладывая в тарелки картофельную запеканку.

– Автоматом, как и обещала Ирина Николаевна.

– Все в классе сдали?

– Да, особо никого не мучила.

– Странно, на неё это что-то не очень-то похоже. А тёзка на сколько сдал?

– Тоже без проблем, у классной сегодня настроение хорошее было, ему пять поставила, многие сегодня пятёрки получили.

В подробности разговора с учителем истории и по совместительству вполне хорошим игроком в покер он посвящать маму не стал, как и обещал Ирине Николаевне.

– Да, надо же как, и правда, у неё хорошее настроение редкость. Какие планы теперь у тебя на лето, сын?

– Пока не решил, но, наверное, буду работать и отдыхать или просто отдыхать, всё же десятый класс закончен, а он, как говорят, мам, последний лёгкий год в школе.

– Тоже хорошая идея, а я думаю взять отпуск завтра и поехать в санаторий, что думаешь по этому поводу?

– Думаю, главное в этом мероприятии – оставить мне ключи от дома, и всё этим решится.

---

⁵ Композиция «My Heart Will Go On» певицы Céline Dion.

– Ага, чтобы ты снова друзей сюда навёл целую кучу? Мы это уже проходили. Я год назад оставила тебе ключи, так мне соседка сказала, что ты в шесть часов домой возвращался, – мать внимательно посмотрела на сына, который, как казалось ей, что-то недоговаривал.

– Ну, почему тёть Лена не спала в столь ранний час, я не знаю, а то, что бегал по утрам с год назад, мне вполне известно и без неё, как и тебе. Спасибо, обед вкусный, а кофе я в комнате попою, – ответил Димка, быстро опустошивший тарелку с едой.

– Пожалуйста, но я всё равно подумаю, оставлять на тебя дом или всё же пригласить пожить бабушку на неделю.

– Без разницы – сказал Димка, решив поскорее налить себе кофе и направиться в комнату, чтобы не выдать улыбкой свои воспоминания о лете, когда мама отправилась на море, оставив дом на присмотр своему сыну и его друзьям, но о последнем она не знала, лишь догадывалась потом по идеальному порядку в доме, который был редким гостем в его собственной комнате.

Присев в кресло, он поставил кофе на стол и с облегчением вздохнул, осознав, что очередной раз ушёл от ответа о прошлом лете. Надеялся, что ключи мама оставит только ему, а то бабушка обязательно его закормит и заставит просыпаться рано утром. Придя к мысли, что пусть будет так, как будет, Димка включил компьютер, запустив свою любимую игру. Графика в ней была слабой, но вот сюжет и возможность развития были на высоте. Из-за этого он и лёг сегодня поздно спать, проспав наутро экзамен. Игра постепенно загрузилась, и, пройдя регистрацию на сервере, Димка оказался среди новых игроков, одним из которых был игрок с именем Julie, на это он бы не обратил внимание, если бы не оказался с ней в одной локации; так были устроены правила, что сервер сам выбирал распределение игроков по командам.

– Мам, – крикнул Димка из своей комнаты, которая находилась рядом с кухней, где мама задумалась о том, стоит ли сына оставлять одного в связи с отпуском или лучше пригласить бабушку на время отъезда.

– Что, сынок?

– Имя Julie, как понимаю, немецкое имя?

– Ja, mein Sohn⁶, – ответила мама, неплохо знавшая немецкий язык, добавив: – Имя вполне распространённое, может быть, и французское.

– А как переводится?

– Равнозначное имени Юлия, а что, знакомую встретил на просторах сети?

– Да нет, просто увидел никнейм, вот и интересно стало, как звучит по-нашему.

Димка полностью погрузился в игру до глубокого вечера, иногда комментируя действия Julie вслух обычным русским матом, который безошибочно описывал её действия в игровой локации.

---

⁶ «Да, мой сын».

Глава II

Юлия

Когда девочке исполнилось четырнадцать лет, её семья переехала в Днепропетровск из родного Екатеринбурга. Она помнила, как не понравился ей новый город, он казался серым и совершенно чужим. Это детское чувство, которое со временем должно было забыться, редко, но всё же появлялось, напоминая, что здесь она чужая. Возможно, всё бы наладилось, если бы не тот гадкий школьный случай, когда за неделю до выпускного бала она случайно застучала своего парня Костю с Зойкой из параллели. Испытывая желание прибить их, Юлия смогла лишь смотреть в глаза Кости, видя в них сухое сожаление и не более. Нет, она не ждала, что он бросится объяснять про нелепую случайность, но на то, что сделает шаг ей навстречу, очень надеялась. А он так же продолжал обнимать эту кобылу, с нелепым своим сожалением смотря на Юлю. Зоино наигранное «прости» прозвучало в тот момент злорадно: «Он мой, курица ты белокурая». После чего Юлия поняла, что ещё немного – и она зарыдает при них. Опустив глаза в пол, молча и тихо вышла из класса. Не услышав за собой торопливых шагов, которые ей так хотелось, чтобы были Костиными.

Сдерживая свою обиду и слёзы, Юлия села в первое попавшееся маршрутное такси, по иронии, ехавшее к монастырскому острову. Но ей было уже всё равно, она просто прижалась лбом к стеклу. Безмолвно наблюдая, как бурлит вновь не любимый и чужой город, из которого захотелось просто и навсегда убежать. Она смутно помнила, как дошла до берега и села на упавшую в речку иву. Рассматривая своё отражение, разглядела в нём одну себя, без Кости, Юле стало очень больно, и слёзы покатались по щекам, падая в сильный и могучий Днепр. В тот момент она думала: «Хуже уже не будет! И в чём смысл всего этого спектакля под названием Жизнь?! Если здесь так больно и чуждо, где предаёт тот, кого люблю, а боль и опустошенность от предательства любимого рушат все надежды и мечты». Разозлившись на свою слабость и слёзы, Юлия потянулась ногой к воде, чтобы посильнее ударить по отражению, в котором видела заплаканную и обиженную девочку. Но, дотянувшись, начала терять равновесие и даже успела испугаться. Нет, не от того, что её может унести сильное течение реки, ей это было неважно. Ведь, упав, она будет выглядеть как заплаканная и намокшая курица. А курицей её называла за глаза только Зойка, за что и получила однажды от Юлии в нос.

– Фув, – выдохнула она, приходя в чувства, – чуть не грохнулась.

Ей стало легче, и казалось, что сам город ожил, обнимая и не давая ей упасть в сильный и могучий Днепр, только злость к Косте занозой осталась в разбитом сердце. После того случая она полюбила Днепропетровск со всеми его переулочками, а не только монастырский остров, на котором познакомилась с Костей.

Недавно к ней приехала двоюродная любимая сестра Олеся. Вместе с ней Юлия провела чудный день, сначала гуляя по бутикам, а потом уже по вечерним клубам, после проводила сестру до тёти Гали, а сама решила идти домой пешком, а для этого нужно было пройти две остановки да мост через Днепр. Проходя мимо подъездов и опустевших скамеек, Юлия вновь стала ощущать себя наедине с этим городом, почувствовала себя золотоволосой девочкой, и ей нравился полюбившийся город. Юлины любимые книжки, в которых были драконы, а вместе с ними – пусть и глупые, но очень милые принцы, оживали под ночными звёздами. Воспоминания уносили её в детство, где папе и маме не надо на работу, где они часами проводили время на берегу моря, и папа рассказывал истории о том, как появились созвездия, и о великой борьбе за любовь. Это был детский мир, полный тепла, любви, защищённости. В том мире не было

знакомо слово «будущее», в нём было настоящее, и оно, казалось, будет длиться вечность. Юля, находясь в своих воспоминаниях, уже вышла на мост, увидев с него тот самый монастырский остров. Он ей вновь напомнил про события двухлетней давности, вызывая сильное желание вернуться в то прошлое, где не было этого козла, Константина. Вспомнила, как доверила ему волшебный мир, наполненный яркими красками, а он взял и предал её. «И с кем? – спросила она себя, сразу ответив: – С этой тупой кобылой, Зойкой из параллели».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.